

БУРУКИНА Ольга Алексеевна / Olga BURUKINA

| Этнокультурные стереотипы — в «сухом остатке» национальных культур |

БУРУКИНА Ольга Алексеевна / Olga BURUKINA

Россия, Москва.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Философский факультет. Отделение культурологии.

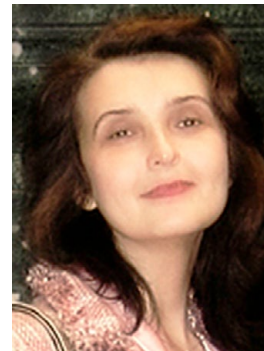
Доцент, кандидат филологических наук.

Russia, Moscow.

Higher School of Economics. National Research University.

Philosophy brunch, department of cultural studies, PhD. Associate professor.

obur@mail.ru

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ — В «СУХОМ ОСТАТКЕ» НАЦИОНАЛЬНЫХ КУЛЬТУР

*Stereotypes exist for a reason.*¹

В статье обсуждаются вопросы, связанные со стереотипами и стереотипизированием, причем автор делает акцент на механизме стереотипизации, его значимости как вида когнитивной деятельности человека для развития личности и этносоциальной группы. Подчеркивая эмоциональное происхождение этнокультурного стереотипа, автор утверждает, что процесс стереотипизации непосредственно связан с коннотацией и механизмом коннотирования, и обсуждает значимость стереотипа в роли «сухого остатка» исчезнувших этносов и культур, пусть и с отрицательной коннотацией.

Ключевые слова: когнитивная деятельность, стереотипизирование, коннотирование, коннотация, роли и функции стереотипов

¹ * Стереотипы существуют не случайно (перевод наш — О. Б.).

Стереотипы являются предметом всестороннего и пристального исследования специалистов самых разных научных направлений вот уже почти сто лет. Явление, функции и даже сам термин «стереотип» рассматриваются в работах культурологов, лингвистов, психологов, этнопсихолингвистов, когнитологов, социологов, этнографов, а также политологов, физиологов и даже, в последние десятилетия, системных аналитиков.

В каждой из этих научных областей проделана значительная работа, и достигнуты весомые качественные результаты. Однако, вероятно, именно в силу полипарадигмальности проводимых исследований этнокультурных стереотипов, их результаты, рассматриваемые в единой полипарадигмальной системе, носят эклектичный характер, причем результаты исследований, достигнутые в разных научных парадигмах, не только не воспринимаются как «прорывы» и «бонусы» исследователями из других областей научного знания, но зачастую вообще не принимаются во внимание.

Еще одной серьезной проблемой, выявленной нами в результате анализа научной русско- и англоязычной литературы,

Ethnocultural Stereotypes as “Solid Residual” of National Cultures

The article raises a number of issues connected with stereotypes and stereotyping focusing on the mechanism of stereotyping, its functions, its significance as a kind of cognitive human activity for personal development and that of ethnosocial groups. Highlighting the emotional origin of ethnocultural stereotypes, the author steps aside from the trodden paths and argues that stereotyping is closely connected with connotation and the mechanism of connoting and that its role of ‘solid residual’ for vanished nations and cultures (be it positive or negative) is very important.

Key words: cognitive activity, stereotyping, connoting, connotation, roles and functions of stereotypes

нам представляется концентрация внимания исследователей в той или иной отрасли научного знания на конкретном типе стереотипов. Так, лингвокультурологи и этнопсихолингвисты сосредоточивают свое внимание в первую очередь на вербальных и вербализуемых стереотипах. Когнитологи и этнопсихологи отдают предпочтение изучению стереотипов мышления. Культурологи и этнографы исследуют, прежде всего, стереотипы поведения. В этих предпочтениях, безусловно, есть своя логика, но, фокусируя внимание на стереотипах конкретного типа, исследователи «выводят» стереотипы других типов «на периферию своей исследовательской деятельности», таким образом обедняя себя и развиваемую ими научную дисциплину.

И, наконец, еще одна проблема, касающаяся всех, но в большей степени именно этнокультурных стереотипов, — это проблема популяризации данной тематики, стирания границ между научным и научно-популярным дискурсом, обсуждение проблем стереотипов не столько для решения насущных вопросов в той или иной научной парадигме, достижения большей точности в определениях или выдвижения и проверки на до-

БУРУКИНА Ольга Алексеевна / Olga BURUKINA

| Этнокультурные стереотипы — в «сухом остатке» национальных культур |

стоверность новых гипотез, сколько для популяризации того или иного автора.

В рамках данной статьи мы не ставим перед собой задачу решить все выявленные проблемы или хотя бы преодолеть созданный разрыв между научными дисциплинами и исследовательскими парадигмами, но мы считаем необходимым

- показать, что исследовательская деятельность на современном этапе не должна быть ограничена относительно узкими рамками конкретной отрасли научного знания;
- обозначить отдельные традиционные «узкие места» в подходе к изучению стереотипов;
- уточнить определение понятия «этнокультурный стереотип»;
- уточнить понимание механизма стереотипизации и установить его непосредственную связь с коннотацией и механизмом коннотирования;
- обсудить совокупность функций этнокультурных стереотипов;
- выявить функции механизма коннотирования и показать связь стереотипизации и коннотирования в процессе индивидуальной переработки и объективации социально значимой информации индивидом;
- показать тесную взаимосвязь между современным пониманием явления «этнокультурный стереотип» и «культурный концепт» исследователями разных научных парадигм;
- привлечь внимание исследователей к недостаточной изученности стереотипов разных типов в парадигмах конкретных наук;
- аргументировать тезис о значимости коннотативного компонента в составе этнокультурного стереотипа и тезис о значимости самих этнокультурных стереотипов, пусть даже пейоративных, для национальных культур на примере исчезнувшей цивилизации этрусков.

Поскольку убеждения людей относительно других этносов в значительной степени основаны на коллективном знании этносоциальных групп, к которым эти люди принадлежат, стереотипы предлагают кажущееся очевидным понимание личностей и поступков индивидов, принадлежащих к другим этносам без необходимости (подразумевающей значительные затраты времени и других ресурсов) узнавать их лично (Allport² 1954; Brewer³ 1988; Fiske & Neuberg⁴ 1990; Hilton & von Hippel⁵ 1996; Macrae & Bodenhausen⁶ 2000). Хотя стереотипы очевидно упрощают процессы познания и понимания, стереотипное мышление, как известно, представляет собой опасность в смысле неточностей в понимании, суждениях,

² Allport, G. W. (1954). *The Nature of Prejudice*. Cambridge, MA: Addison-Wesley.

³ Brewer, M. B. (1988). A dual process model of impression formation. In T. K. Srull & R. S. Wyer (Eds.), *Advances in social cognition* (pp. 1–36). Hillsdale, NJ: Erlbaum.

⁴ Fiske, S. T. & Neuberg, S. L. (1990). A continuum of impression formation, from category-based to individuating processes: Influences of information and motivation on attention and interpretation. In M. Zanna (Ed.), *Advances in experimental social psychology* (pp. 1–74). San Diego, CA: Academic Press.

⁵ Hilton, J. L. & von Hippel, W. (1996). Stereotypes. *Annual Review of Psychology*, Vol. 47: 237–271. DOI: 10.1146/annurev.psych.47.1.237

⁶ Macrae, C. N., & Bodenhausen, G. V. (2000). Social cognition: Thinking categorically about others. *Annual Review of Psychology*, 51, pp. 93–120.

оценках, укрепляя сложившиеся в обществе отношения общественного неравенства и стимулируя межгрупповые конфликты (Kunda⁷ 1999).

Признавая то воздействие, которое стереотипы оказывает на носителей этнокультур в повседневной жизни, исследователи с начала прошлого столетия пытались выяснить, когда, почему и каким образом люди используют стереотипы. Исследование стереотипов в англоязычном мире началось с систематического изучения расовых стереотипов (Katz & Braly⁸ 1933), но в конечном итоге привело исследованию широкого спектра социальных и этносоциальных категорий (в т. ч. женщин, стариков, иудеев, мусульман, гомосексуалистов, консерваторов, толстяков и многих других).

Почти сто лет назад известный американский журналист У. Липпман⁹ (1922) первым ввёл термин *стереотип* в психологический контекст. В своем эссе «Общественное мнение» он отметил, что люди часто полагаются на «совокупность фиксированных впечатлений» (т. е. на стереотипы), чтобы разобраться в невероятно сложном и постоянно меняющемся мире. Затем 32 года спустя психолог Гордон Олпорт сузил определение стереотипа, описывая его как «преувеличенное убеждение, соотношенное с той или иной категорией»¹⁰.

Во многом в соответствии с его определением, современные концептуальные представления определяют стереотипы как когнитивные конструкты, предоставляющие в сжатом виде знания, убеждения и ожидания относительно тех или иных лиц на основе их принадлежности к определенной этносоциальной группе (Hamilton & Sherman¹¹ 1994; Hamilton & Trolie¹² 1986; Kunda¹³ 1999).

Однако и в англоязычном, и в русскоязычном научном дискурсе в силу популярности направления, связанного с изучением стереотипов, и его относительной молодости (менее 100 лет), продолжают попытки определения стереотипа как культурного, психического, когнитивного, лингвистического и социального феномена и уточнения его характеристик.

Так, Краткий политический словарь определяет стереотип как «схематический, стандартизированный образ или представление о социальном явлении или объекте, обычно эмоционально окрашенное и обладающее устойчивостью, выражающее привычное отношение человека к какому-либо явлению,

⁷ Kunda, Z. & Sinclair, L. (1999). Reactions to a Black professional: Motivated inhibition and activation of conflicting stereotypes. *Journal of Personality and Social Psychology*, Vol 77(5), Nov 1999, 885–904.

⁸ Katz, D., & Braly, K. (1933). Racial stereotypes of one hundred college students. *Journal of Abnormal and Social Psychology*, 28, 280–290.

⁹ Lippmann, Walter (1956). *Public Opinion*, New York: Macmillan. (First published 1922.)

¹⁰ Allport, G. W. (1954). *The Nature of Prejudice*. Cambridge, MA: Addison-Wesley.

¹¹ Hamilton, D. L. & Sherman, J. W. (1994) Stereotypes. In J. R. S. Wyer & T. K. Srull (Eds.), *Handbook of social cognition* (Vol. 2, pp. 1–68). Hillsdale, NJ: Erlbaum.

¹² Hamilton, D. L. & Trolie, T. K. (1986). Stereotypes and stereotyping: An overview of the cognitive approach. (In J. F. Dovidio & S. L. Gaertner (Eds.), *Prejudice, discrimination, and racism* (pp. 127–163). San Diego, CA: Academic Press.)

¹³ Kunda, Z. & Sinclair, L. (1999) Reactions to a Black professional: Motivated inhibition and activation of conflicting stereotypes. *Journal of Personality and Social Psychology*, Vol 77(5), Nov 1999, 885–904.

БУРУКИНА Ольга Алексеевна / Olga BURUKINA

| Этнокультурные стереотипы — в «сухом остатке» национальных культур |

сложившееся под влиянием социальных условий и предшествующего опыта»¹⁴.

На основе этого определения, однако, можно сделать неверный вывод, что стереотипы каждый раз заново формируются в индивидуальном сознании, хотя в действительности стереотипы воспринимаются членами этносоциальных групп в процессе социализации.

В силу своей особой социальной и этнокультурной значимости явление стереотипа трактуется не только профессиональными исследователями, но и разного рода «коучами / тренерами», вносящими свой вклад в научно-популярный дискурс, в том числе в виде усиления путаницы и неразберихи.

Например, согласно определению В. Чугреева, «стереотипы — стабильно повторяющиеся цепочки мыслей, чувств и поступков»¹⁵. С этим определением решительно нельзя согласиться в силу его некорректности.

Так, цепочки мыслей, стабильно повторяющиеся в сознании разных носителей этнокультурного сознания, — не обязательные стереотипы, это могут быть *ментальные ловушки*, определяемые в теории систем как «накатанные и привычные пути, по которым мучительно и безрезультатно движется наша мысль, сжигая невероятные объемы нашего времени, высасывая энергию и не создавая никаких ценностей ни для нас самих, ни для кого бы то ни было»¹⁶. К ментальным ловушкам относятся *фиксация, амплификация, реверсия, опережение, затягивание, разделение, регулирование* и некоторые другие.

Как видно из данного определения ментальной ловушки, её функции прямо противоположны главной функции стереотипа, в том числе ментального — экономии времени и энергии пользователя, получающего возможность использовать усвоенный стереотип в «готовом виде», без дополнительных размышлений об анализируемом объекте.

Насколько нам известно, ни в одной из научных парадигм пока не было заявлено об «эмоциональном стереотипе» или «стереотипизированной эмоции», поскольку, несмотря на исключительно эмоциональное восприятие человеком окружающего нас мира, это восприятие в значительной степени индивидуализировано в силу значительного разнообразия психических и физиологических характеристик индивидов и практически неограниченного количества их комбинаций. Поэтому говорить о стереотипах как «стабильно повторяющихся цепочках чувств», на наш взгляд, не допустимо, тем более, что чувства как «устойчивые эмоциональные переживания человека, возникающие в процессе его отношений с окружающим миром», в отличие от эмоций, надситуативны¹⁷. Будучи достаточно сильными явлениями психосоциального плана, чувства

способны удерживать индивида в конкретном психоэмоциональном состоянии продолжительное время (ср. чувство отчаяния, чувство безысходности, чувство радости, чувство влюбленности и т. д.).

И, наконец, последняя часть определения, данная В. Чугреевым стереотипу, как «стабильно повторяющимся цепочкам поступков», по нашему мнению, также весьма уязвима, поскольку стереотипы поведения, проявляющиеся, по определению В. Чугреева, в поступках, зачастую имеют характер однократных одномоментных действий, если, конечно, не рассматривать каждое движение, например руки, как поступок, что прямо противоречит определению поступка, данному, в частности, в «Словаре практического психолога» С. Ю. Головина, где поступок характеризуется как «сознательное действие, оцениваемое как акт нравственного самоопределения человека, в коем он утверждает себя как личность — в своем отношении к другому человеку, себе самому, группе или обществу, к природе в целом»¹⁸.

Невозможно, на наш взгляд, согласиться и с популярной сегодня в научном Интернет-дискурсе трактовкой механизма стереотипизации как «результата когнитивного отклонения»: «Стереотипизирование — результат когнитивного «отклонения», вызванного иллюзией связи между групповым членством и психологическими характеристиками»¹⁹.

Отклонения от чего? Механизм стереотипизации так же важен для когнитивной деятельности человека и, особенно, для процессов восприятия и мышления, как и механизмы категоризации и коннотирования, поскольку стереотипы, возникающие в результате процесса стереотипизации и воспринимаемые членами этносоциальных групп в процессе социализации выполняют ряд значимых функций, при этом, по мнению Р. Дайера, «наиболее важной функцией стереотипа остаётся сохранение чётких границ, чтобы легко было определить, где заканчивается «огороженная территория», и, таким образом, кто именно находится внутри огороженного пространства, а кто явно выходит за его пределы»²⁰.

На этом основании мы предлагаем уточнить предложенный А. У. Арсельговым спектр функций этнокультурных стереотипов²¹, который в нашей интерпретации получает следующий вид:

- отражение социально-культурных особенностей этноса и исторически формирующихся межэтнических отношений (репрезентативная функция);
- выражение общественного мнения на определенном историческом этапе (суггестивная функция);
- удовлетворение потребности в быстром решении проблемы поиска объяснений (объяснительная и энергосберегающая функции);

¹⁴ Краткий политический словарь. Под ред. Л. Онкова. — М.: Изд-во полит. лит-ры, 1987. — С. 447.

¹⁵ Чугреев В. Стереотипы 2006 // Искусство стратегии и сталкинга. Эл. ресурс. Дата обращения — 18. 09. 2014. URL: <http://chugreev.ru/s-article/stereotype.html>

¹⁶ Kukla, Andre. Mental Traps: The Overthinker's Guide to a Happier Life. Published by Anchor, Canada, 2007. 256 p. (цит. по ст. Ментальные ловушки. Краткий конспект книги А. Кукла «Ментальные ловушки». Эл. ресурс. Дата обращения — 16. 09. 2014. URL: <http://tsuslik.ru/mentaltrap>)

¹⁷ Психологический глоссарий. Эл. ресурс. Дата обращения — 15. 09. 2014. URL: <http://www.psychologies.ru/glossary/dict/15/>

¹⁸ Головин С. Ю. Словарь практического психолога. — Минск: Харвест, 1998.

¹⁹ Мунин А. Н. Деловое общение: Курс лекций (стр. 6). Эл. Ресурс. Дата обращения — 18. 09. 2014. URL: http://thelib.ru/books/a_n_munin/delovoe_obschenie_kurs_lekciy-read-6.html

²⁰ Dyer, Richard The Matter of Images: Essays on Representations. Routledge, 2013. P. 16.

²¹ Арсельгов А. У. Этнические стереотипы в культуре. Дис. канд. филос. н.: 24. 00. 01 — Теория и история культуры. — Ростов-на-Дону, 2011. — 147 с.

БУРУКИНА Ольга Алексеевна / Olga BURUKINA

| Этнокультурные стереотипы — в «сухом остатке» национальных культур |

- включенность в регулирование межэтнического и межгруппового общения (функция решения конфликта);
- включенность в формирование единой символической среды (мифотворческая функция);
- удовлетворение потребности в психологической устойчивости и социальной определенности (детерминирующая функция);
- регулирование поведения в этнической общности (регулирующая функция);
- средство стабилизации устоявшихся общественных отношений (стабилизирующая функция)
- и другие.

Мы полагаем, что за десятилетия изучения стереотипов культурологами традиционно доминировавшее разделение стереотипов на социальные и этнические не раз продемонстрировало свою излишнюю обобщенность и радикальность. С другой стороны, поскольку существует несколько классификаций стереотипов, в основу которых положены разные критерии отбора, на наш взгляд, в научном дискурсе не допустимо смешение нескольких классификаций, поэтому С. А. Кошарная, цитируя В. А. Маслова, выделяющую «социальные стереотипы, стереотипы общения, ментальные стереотипы, культурные стереотипы, этнокультурные стереотипы и т. д.», приходит к правильному выводу, что «все перечисленные стереотипы могут быть отнесены либо к социальным, либо к этническим (этнокультурным) стереотипам, либо объединяют в себе черты первых и вторых»²².

Разделение стереотипов на два типа — социальные и этнические — сегодня представляется не совсем корректным по нескольким причинам, в первую очередь по определению этноса как социальной группы. На наш взгляд, трудно выявить стереотип, который не являлся бы этнокультурным, поскольку даже, казалось бы, универсальные, общекультурные или обобщенные социальные стереотипы (присущие многим или всем этническим группам) не создавались в идеальной лаборатории или в умах учёных, а складывались в течение продолжительного времени в определенных этносах как часть этнической культуры.

Вспомним определение этноса, данное С. М. Широкогорыным, введшим этот термин в научный дискурс почти сто лет назад: «Этнос есть группа людей, говорящих на одном языке, признающих своё единое происхождение, обладающих комплексом обычаев, укладов жизни, хранимых и освященных традиций, отличающихся от обычаев других групп»²³.

Нельзя не согласиться с мнением Н. А. Бердяева, что вне национальности, понимаемой учёным как индивидуальное бытие, невозможно существование человечества, поскольку каждый человек входит в человечество как национальный человек²⁴.

Уникальность этнокультуры «выкристаллизовывается» в рамках конкретной биосоциальнопсихологической системы

и ее уникального опыта, свойственного конкретной этнокультуре.

Анализируя различные области научного знания и наиболее значимые для них понятия, разрабатываемые в настоящее время, мы также пришли к выводу, что разработка понятий этнокультурного стереотипа и концепта достигла такой стадии, когда эти когнитивные феномены (пусть и в разных научных областях) рассматриваются и трактуются в неразрывной взаимосвязи.

Так, описывая становление концепта в сознании индивида, Н. Ф. Алефиренко исходит из следующего алгоритма: «концепт рождается как образ, но, появившись в сознании человека, этот образ способен продвигаться по ступеням абстракции. С увеличением уровня абстрактности концепт постепенно превращается из чувственного образа в собственно когнитивную структуру этноязыкового сознания»²⁵. Таким образом, учёный исходит из близкого нашей позиции тезиса о том, что даже абстрактная когнитивная конструкция основана на чувственном образе и, следовательно, коннотативно обусловлена.

Очень интересным нам представляется определение концепта, данное Ю. С. Степановым, согласно которому, концепты — «это пучки представлений, знаний, переживаний, ассоциаций, сопровождающих слово, <...>, это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека»²⁶. Вместе с тем учёный рассматривает концепт как инструмент социализации и «культурализации» индивида: «концепт — это то, посредством чего человек <...> сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на неё»²⁷.

Анализируя данное определение концепта, мы видим, что концепт, по Ю. С. Степанову, состоит из двух несоположенных, с точки зрения современной этнопсихологии, компонентов: представлений и знаний, с одной стороны, и переживаний и ассоциаций — с другой. По нашему мнению, объективизированные представления близки к современному пониманию стереотипа, а совокупность объективизированных (не конкретных единовременных) переживаний и ассоциаций входит в состав коннотативного поля слова (термин, введенный нами в научный дискурс в 1998 г. и подробно аргументированный в одноименной монографии 2005 г.²⁸).

Тем не менее, в данном определении нам представляется особенно ценным понимание Ю. С. Степановым неотъемлемости эмоционального, ассоциативного — коннотативного — компонента в составе концепта и столь же обязательного наличия данного компонента в составе этнокультурного стереотипа.

Идею о наличии коннотативного компонента в культурном концепте аргументирует Н. Ф. Алефиренко, выделяя, помимо многомерности культурного концепта такие присущие ему

²² Кошарная С. А. Языковая личность в контексте этнокультуры: Учебное пособие. — М.: Директ-Медиа, 2014. — С. 40.

²³ Широкогоры С. М. Этнос: Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. — Шанхай, 1923.

²⁴ Бердяев Н. А. Судьба России. — М., 2005. — С. 135.

²⁵ Алефиренко Н. Ф. Языковые стереотипы русского этнокультурного пространства // Przegł d Wschodnioeuropejski 1, 2010. Pp. 405–424. http://dspace.bsu.edu.ru/bitstream/123456789/815/1/Alefirenko_Yzikov.pdf; P. 409.

²⁶ Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. — М., 1997. — С. 40.

²⁷ Ibid.

²⁸ Бурукина О. А. Коннотативное поле слова. — М.: Писатель, 2005. — 426 с.

БУРУКИНА Ольга Алексеевна / Olga BURUKINA

| Этнокультурные стереотипы — в «сухом остатке» национальных культур |

характеристики, как сложность, внутреннюю расчлененность и наличие приобретенных аксиологических коннотаций и образных ассоциаций²⁹. При этом, по мнению ученого, определяющим в смысловом содержании культурного концепта выступает, как правило, ассоциативный компонент в форме образно-метафорических коннотаций³⁰.

В соответствии с определением лингвокультурологического словаря, национально-культурное пространство, служащее формой существования культуры в сознании человека, по своей природе является информационно-эмоциональным полем, виртуальным и одновременно реальным пространством существования и функционирования человека, становящимся ощутимым при столкновении с явлениями иной культуры³¹.

Информационно-эмоциональное поле включает в себя большое количество разнообразных текстов. При этом полифоничность, многоаспектность текста предполагает не только вариативность его интерпретации, но и некий инвариант его восприятия, детерминированный национально-культурной спецификой, а также объективным содержанием текста³².

Нам также представляется интересным близость понятий этнокультурного стереотипа и культурного концепта, развивающихся параллельно в лоне разных научных дисциплин, однако их понимание культурологами и этнопсихологами, не является тождественным.

Как верно замечает Н. Ф. Алефиренко, «за словом в его звуковой или графической материальности стоит фрагмент живого образа из мира конкретной этнокультуры»³³.

Экстраполируя это справедливое утверждение с вербальных стереотипов на стереотипы восприятия, поведения и др., мы можем утверждать, что за этнокультурным стереотипом в его ментальной форме, вербальной или иной материальной форме стоит фрагмент живого образа из мира конкретной этнокультуры.

Под стереотипом, вслед за А. Киклевич, мы понимаем «субъективно детерминированное представление <...>, в котором находят отражение объективные и оценочные признаки называемого предмета или явления, выделенные в результате интерпретации действительности в рамках социально релевантных познавательных моделей»³⁴.

При этом, как, развивая это определение, уточняет Н. Ф. Алефиренко, «социокультурные стереотипы обу-

словливают характер коннотаций языковых значений, создают трудно уловимую этносемантическую ауру языкового знака³⁵».

Высоко оценивая вклад Н. Ф. Алефиренко в исследование обоих феноменов и разработку обоих понятий — и концепта, и стереотипа, мы не можем полностью согласиться с такой интерпретацией взаимосвязи между стереотипом и коннотацией и придерживаемся точки зрения, согласно которой коннотация занимает примарное положение по отношению к любой воспринимаемой извне информации и, как совершенно верно неоднократно замечал А. Ф. Алефиренко и другие российские ученые, коннотативные компоненты продолжают входить в состав стереотипов даже по окончании процесса стереотипизации, не «выхолащиваются» в процессе превращения стереотипа в ментальный конструкт.

Мы понимаем коннотацию как культурную и гносеологическую универсалию, т. е. «концептуализированное эмоциональное отражение объектов действительности (предметов, явлений и пр.), иными словами это эмоционально-ассоциативная составляющая познавательной деятельности человека, распространяющаяся на все способы отражения действительности: методологические, философские, религиозные, научные, художественные, — происходящая с помощью вербальных единиц и чувственных образов»³⁶.

Сопоставляя механизмы ассоциирования и коннотирования, мы приходим к выводу, что главное их отличие заключается в том, что механизм ассоциирования представляет собой способ установления временной произвольной связи, по-разному выражению А. П. Клименко, — «нервный субстрат условного рефлекса»³⁷, в то время как механизм коннотирования многофункционален:

- он ответственен за установление целой совокупности как произвольных вероятностных, так и закрепленных в сознании индивида связей, включающих в себя не только ассоциации, но и, прежде всего, эмоции, чувства, коннотативные представления и многие другие компоненты, вызываемые в сознании индивида воспринимаемым словом, объектом или явлением;
- он лежит в основе процесса концептуализации, отправной точкой которого является непосредственный чувственный опыт — восприятие мир органами чувств как основы формирующегося когнитивного концепта в человеческом сознании.

Таким образом, механизм коннотирования не ограничивается созданием ассоциативных, а, по сути, коннотативных связей в сознании индивида, о чем писали Ж. Деррида, Р. Барт и другие исследователи коннотации, рассматривавшее это

²⁹ Алефиренко Н. Ф. Языковые стереотипы русского этнокультурного пространства // Przegł d Wschodnioeuropejski 1, 2010. Pp. 405–424. http://dSPACE.bsu.edu.ru/bitstream/123456789/815/1/Alefirenko_Yzikov.pdf; P. 418.

³⁰ ibid. С. 419.

³¹ Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь. Вып. 1 // И. С. Брилёва, Н. П. Вольская, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, В. В. Красных. — М., 2004.

³² Сергеева Г. Г. Национально-прецедентные имена в восприятии подростков // Вестник ВГУ, Серия лингвистика и межкультурная коммуникация, 2003, № 2. — С. 30.

³³ Алефиренко Н. Ф. Языковые стереотипы русского этнокультурного пространства // Przegł d Wschodnioeuropejski 1, 2010. Pp. 405–424. http://dSPACE.bsu.edu.ru/bitstream/123456789/815/1/Alefirenko_Yzikov.pdf; С. 409.

³⁴ Киклевич А. Притяжение языка, т. 1: Семантика. Лингвистика текста. Коммуникативная лингвистика. — Olsztyn, 2007. — С. 180.

³⁵ Алефиренко Н. Ф. Языковые стереотипы русского этнокультурного пространства // Przegł d Wschodnioeuropejski 1, 2010. Pp. 405–424. http://dSPACE.bsu.edu.ru/bitstream/123456789/815/1/Alefirenko_Yzikov.pdf; С. 423.

³⁶ Бурукина О. А. Коннотация и коннотативное поле слова // Филология и культура: Мат-лы VI Междунар. науч. конф. 17–19 октября 2007 г. — Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2007. — С. 591–592.

³⁷ Клименко А. П. Третий тип словесных ассоциаций и виды семантической связи между словами в системе // Романское и германское языкознание. Вып. 5. — Минск, 2005. — С. 23.

БУРУКИНА Ольга Алексеевна / Olga BURUKINA

| Этнокультурные стереотипы — в «сухом остатке» национальных культур |

явление за пределами «проторенной» лингвистической парадигмы³⁸.

Коннотация как гносеологическая универсалия реализуется посредством совокупности эвристических инструментов формирования индивидуальной картины мира и личностного опыта как его составляющей, обуславливая трансформирование личностного опыта под влиянием различных факторов, прежде всего психологических и социальных³⁹.

Мы, безусловно, согласны с мнением Ю. А. Сорокина, что не столько важен язык, отдельные слова национального языка, сколько важен текст, подходящий для изучения⁴⁰. Однако при этом мы считаем нецелесообразным рассматривать этнокультурные стереотипы, в т. ч. вербализованные словами или словосочетаниями исключительно в лингвистической парадигме как слова или словосочетания, поскольку за ними стоит обширная многоуровневая когнитивная деятельность, объединяющая процессы коннотирования, категоризации, стереотипизации, в результате которых этнокультурные стереотипы (и вербализованные, и невербализованные — например, стереотипы поведения, обсуждаемые ниже) представляют собой «застывшие тексты», выражающие самую суть понимания и отношения к своей (в автостереотипах) или чужой (в гетеростереотипах) культуре.

Как верно заметил Н. Ф. Алефиренко, «именно в сфере стереотипной ментальности народа и следует искать источники синергетики национального и культурного компонентов в семантической структуре языкового знака»⁴¹.

Этнокультурные стереотипы — это когнитивные конструкции, которые в вербальном и невербальном (например, в виде жестов и ритуалов) выражении представляют собой тексты высокой концентрации, по сути, — «сухой остаток»⁴², самую суть отношения к другой или собственной культуре и другому или собственному народу.

Таким «сухим остатком» можно считать стереотипы, зафиксированные в фольклоре, в т. ч. современном, в частности — в виде шуток и анекдотов.

Нельзя не согласиться с мнением М. О. Шаповалова, что наиболее популярным источником стереотипных представлений о национальных характерах являются сегодня так называемые межнациональные анекдоты, то есть тексты, построенные на шаблонном сюжете: представители разных наций, попав в одну и ту же ситуацию, реагируют на нее по-разному, в соответствии с теми чертами национального характера, которые им приписывают на родине анекдота⁴³.

Любопытным при этом является тот факт, что в существующих вариантах анекдотов, закрепляющих в дискурсе автостереотипы, пейоративные характеристики являются более устойчивыми, нежели мелиоративные. Так, известный анекдот о рае и аде имеет два варианта, в которых первенства в кулинарном искусстве и любовных делах отдаются то французам, то итальянцам, в то время как отрицательные характеристики представленных наций вариантов не имеют:

«Рай — это место,
где французы / итальянцы — шеф-повары,
итальянцы / французы — любовники,
британцы — полицейские,
немцы — механики / инженеры,
а швейцарцы управляют всем в соответствии с расписанием.

Ад — это место, где
британцы — шеф-повары,
швейцарцы — любовники,
французы — механики,
немцы — полицейские,
а итальянцы следят за соответствием расписанию».

Вот ещё один пример, в котором мелиоративные и пейоративные стереотипы «как бы лишены» авторской оценки (sapienti sat):

«Канада могла б обзавестись французской культурой, британским ноу-хау и американской едой. Вместо этого она обзавелась французским ноу-хау, американской культурой и британской едой».

Отметим, что в современном мире (с конца XX в.) стереотипы распространяются и фиксируются не только традиционными путями (фольклор и СМИ), но и путём распространения ксерокопий всевозможных текстов, причём это явление приобрело такие масштабы, что даже получило специальное название — Faxlore, определяемое как современная разновидность фольклора, включающего в себя юмористические тексты (в т. ч. анекдоты), народную поэзию и другие виды народного искусства, а также городские легенды, распространяемые не из уст в уста, а посредством копировального и факсимильного аппаратов (ср. с термином Xerox-lore, введенном Майклом Дж. Престоном в одноименном эссе 1974 г.).

В качестве ёмких результатов процесса стереотипизования большой интерес представляют собой стереотипы поведения, к которым относятся и обряды, и традиционные жесты, многие из которых и сегодня весьма распространены. Например, мало кто из россиян, чокаясь за поднятый тост своими бокалами с вином или крепким напитком, осознают семантику этого ритуала. Не все могут припомнить, что на Руси собравшиеся на пиру чокались чашами / братинами, из которых при столкновении жидкость немного выплескивалась из одной в другую, что придавало всем пировавшим уверенности, что напиток в их братинах не был отравлен. Отметим, что, в отличие от подавляющего большинства европейских культур в итальянской культуре присутствует обычай касаться бокалами за поднятый тост (Cin-Cin!), но современные итальянцы (по крайней

языков) // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 5 (259). Филология. Искусствоведение. Вып. 63. — С. 176.

³⁸ Бурукина О. А. Коннотация как креативный психолингвистический механизм в сознании индивида // Вопросы когнитивной лингвистики. Вып. 4, 2011. — С. 134.

³⁹ Бурукина О. А. Коннотация как гносеологическая универсалия // Вопросы когнитивной лингвистики. Вып. 1, 2011. — С. 114.

⁴⁰ Сорокин Ю. А. Психолингвистические аспекты изучения текста. — М.: Наука, 1985.

⁴¹ Алефиренко Н. Ф. Языковые стереотипы русского этнокультурного пространства // Przegł d Wschodnioeuropejski 1, 2010. Pp. 405–424. http://dspace.bs.u.edu.ru/bitstream/123456789/815/1/Alefirenko_Yzikov.pdf; С. 421.

⁴² Сухой остаток — вещество (часто многосоставное), остающееся после выпаривания раствора.

⁴³ Шаповалов М. О. Особенности этнокультурных стереотипов в юмористических текстах (на материале французского и итальянского

БУРУКИНА Ольга Алексеевна / Olga BURUKINA

| Этнокультурные стереотипы — в «сухом остатке» национальных культур |

мере, опрошенные нами коллеги из итальянских вузов) не знают значения данного стереотипа поведения.

По мнению В. А. Масловой, **стереотип поведения** – важнейший среди стереотипов, поскольку он **может переходить в ритуал. Исследователь приходит к выводу, что** «стереотипы имеют много общего с традициями, обычаями, мифами, ритуалами, но от последних отличаются тем, что традиции и обычаи характеризует их объективированная значимость, открытость для других, а стереотипы остаются на уровне скрытых умонастроений, которые существуют в среде «своих»⁴⁴.

Это замечание относительно скрытых умонастроений в среде «своих» весьма точно описывает ситуации со многими стереотипами поведения, выражающимися в традиционных, переходящих из поколения в поколение жестах, семантика которых смазалась или полностью стерлась за прошедшие столетия.

Так, если многие современные русские (особенно православные) знают, почему, «чтобы не сглазить», они плюют через левое плечо, современные итальянцы (даже профессиональные гиды) не могут объяснить, почему и сегодня, стараясь оградить себя от «дурного глаза» и смерти, они используют жест, изображенный на фреске второй половины XV века в Домском соборе г. Сполето знаменитым живописцем эпохи Возрождения Филиппо Липпи: кисть руки сложена в кулак, но вперед выставлены указательный палец и мизинец.

Любопытно, что режиссер популярной кинокартины «Крокодил Данди в Лос-Анджелесе» Саймон Уинсер вложил в руки главного героя в исполнении Пола Хогана схожий жест (сцена внутри киностудии в Голливуде), при помощи которого он контролировал львов, выбравшихся из клетки. Рука Данди была сложена в кулак с выставленными вперед большим пальцем и мизинцем. По ходу фильма Данди объясняет, что этим жестом он контролирует хищников и, если опустит руку, они не преминут напасть.

В 1990-х гг. в одном из научных сборников под редакцией известной ученой Моны Бейкер нами была опубликована статья, в которой мы проводили аналогию между фигурами пальцев правой руки, сакральными для православных верующих (два сложенных перста староверов и три перста современных православных, сложенных для крестного знамени), и индийскими мудрами⁴⁵.

Основываясь на известной теории об арийском происхождении сакрального знания, в т. ч. древних славян, о чём косвенно свидетельствуют однокоренные слова русского языка и хинди: веда () и ведать / знать («не ведает, что творит»), мудра () и мудрость и др., нами была выдвинута гипотеза о более раннем происхождении упомянутых жестов и подтверждена

(на уровне прямых жестовых аналогий) тождественность их сакральной значимости с древнеиндийскими мудрами.

В ведическом знании аналогичные мудры (и двуперстная, и трёхперстная) выполняют функцию проводников космической энергии, причём считается, двуперстная мудра обладает большей силой и предоставляет владеющему ею более широкие возможности, чем трёхперстная. Напрашивается вопрос: знали ли об этом старообрядцы, отдававшие свои жизни целыми поселениями (скитами) за право креститься двумя перстами? Есть вероятность, что знания, пришедшие от древних ариев, утрачивались на протяжении тысячелетий, а не столетий (как считалось ранее — во времена древнеславянских племен), и часть вед вместе с мудрами были достоянием избранных носителей ещё и в XVIII веке.

Что же касается жестов, описанных нами выше (кулак с выдвинутыми вперед мизинцем и указательным или большим пальцем), среди 108 мудр, регулярно используемых в тантрических ритуалах, жест, в который сложены пальцы Филиппо Липпи на его последней фреске (великий художник эпохи Возрождения умер, не завершив своё творение, — роспись Домского собора в г. Сполето закончил его сын Филиппино Липпи, в 1470 г. совсем еще юный, но уже опытный художник, чьё изображение мы также видим на этой фреске — впереди фигуры отца), тождественен мудре Karana (*Karana mudra*), предназначение которой — изгнание бесов и устранение таких препятствий на жизненном пути, как болезни и негативные мысли. Мудра Karana образуется путем сжатия всех пальцев в кулак, кроме указательного и мизинца, выставленных вперед. (В восточном мире эта мудра также известна как *Tarjan mudra*; а в Японии как *Funnu-in, Fud-in*.)

Кстати, многие индийские мудры были заимствованы японской культурой и использовались в течение ряда столетий, в том числе в боевых искусствах (например кунг-фу). Так, Муромото⁴⁶ подробно описывает использование мудры Шуто (*Shuto mudra*), или руки-ножа, в которой указательный и средний пальцы выставлены вперед, а остальные сложены вместе в кулак. Эта мудра представляет собой «нож просветления», отрезающий и отгоняющий любые обольщения и заблуждения (*не таково ли стремление обращающегося к Богу в искренней молитве? — прим. О. Б.*)

Сопоставлениями, проводимыми в данной статье, и аналогиями, выводимыми в результате сопоставлений, мы ни в коем случае не выдвигаем тезис о происхождении указанных жестов из одного источника — для серьёзного изучения этого вопроса у нас недостаточно данных. Мы лишь выдвигаем тезис о значимости именно этих комбинаций пальцев правой руки для разных этносов на протяжении более 2,5 тысяч лет.

Анализируя ритуальные жесты, представляющие собой, по сути, стереотипы поведения, нельзя не заметить также прямой аналогии между «троеперстием» православных христиан и фигуры, в которую сложены пальцы жены богатого и знатного этруска в теракотовой скульптурной группе под условным названием «Саркофаг супругов» (*The Sarcophagus of the Spouses*), датированной 550 в до н. э. и хранящейся в настоящее время в му-

⁴⁴ Маслова В. А. Лингвокультурология: Учеб. Пособие для студ. высш. учеб. Заведений. — М.: Академия, 2001. — 208 с.

⁴⁵ Мудры — индуистские и буддистские символические и ритуальные жесты, особые положения кистей рук и фигуры пальцев, позволяющие распределять энергию в нужных направлениях и с её помощью устранять причины заболеваний, снимать боль и даже «запускать» остановившееся сердце. В духовной практике индийских религий и традициях Дхармы и даосизма, а также в иконописи мудры являются духовными жестами и своего рода «энергетической печатью подлинности».

⁴⁶ Muromoto, Wayne (2003). *Mudra in the Martial Arts*. Retrieved on December 20, 2007. <http://www.furyu.com/?f>

БУРУКИНА Ольга Алексеевна / Olga BURUKINA

| Этнокультурные стереотипы — в «сухом остатке» национальных культур |

зях Лувра. Комбинацией большого, указательного и среднего пальцев правой руки, однако, не исчерпывается послание древних этрусков: оно дополнено жестом левой руки женщины и, подобно древнеарийским мудрам, видимо, представляет собой многозначное и многофункциональное послание.

Но и это ещё не всё: руки супруга (правая — на правом плече жены, левая — поверх её левой руки) также сложены в сакральные жесты, и мы предполагаем, что полное послание древних этрусков включает в себя все четыре сакральных жеста в совокупности с положением тел супругов, а, возможно, и с положением их голов и выражением лиц (которое, однако, считается традиционным для этрусских скульптур).

Об этрусках слышали или читали, вероятно, все современные образованные европейцы и жители других континентов, однако в большинстве своем даже европейцы не знают, что этруски создали процветающую коммерческую и сельскохозяйственную цивилизацию, а также достигли больших высот в архитектуре, строительстве и гидротехнике, как и в искусстве, уровень развития которого сопоставим, а в отдельных направлениях (ювелирное искусство) превосходит достижения древнегреческой и древнеримской цивилизаций. Религия этрусков, искусно сочетавшая в себе высокоорганизованные культы и ритуалы с обширной практикой гадания, не ограничивалась обширным пантеоном богов, но, как и древнеегипетская, включала в себя обширный пласт, основанный на вере в загробную жизнь, с обширным списком обычаев и ритуалов, сопровождавших подготовку и переход к жизни после смерти.

Как справедливо указывают Гелланик Лесбосский и Геродот, в отличие от римлян и греков этруски создали сложную, по типу египетской или вавилонской, космогонию и религию. Основа этрусского искусства не столько принципы эстетического идеализма (как в эллинизме), сколько сакрально-магические представления. Недаром Арнобиус (ок. 300 г. н. э.), один из первых апологетов христианства, Этрурию называли «основоположницей и матерью всех суеверий»⁴⁷.

Однако немногие знают сегодня о том, что этруски создали первую «сверхдержаву» на Западном Средиземноморье и, наряду с греками, построили и развили самые ранние города в Европе, жизнь в которых была налажена настолько умело и успешно, что города, созданные этрусками, не переставали процветать в течение почти трех тысячелетий и сегодня являются самыми важными городами в современной Тоскане (Флоренция, Пиза, Сиена и др.).

И, наконец, поскольку от этрусков до наших времен не дошёл ни один хоть сколь-нибудь обширный текст (хотя, по косвенным письменным источникам, свидетельствующим о мифологии этрусков, бог Таг создал для этрусков немало сакральных книг, но ни одна из них не была обнаружена современными археологами или их предшественниками), а лишь многочисленные надписи (в большинстве своем погребально-содержания), этрусский язык до сих пор остаётся нерасшифрованным, и современные исследователи имеют возможность судить об этрусской цивилизации по сохранившимся артефактам и содержимому захоронений, что особенно иронично, по-

скольку именно этруски стояли у истоков обучения римлян алфавитному письму и распространения грамотности на всем Апеннинском полуострове.

Какие же основные ассоциации возникают сегодня в сознании образованных европейцев, в том числе русскоговорящих, в связи с этнонимом «этрски»? Мы провели небольшое Интернет-исследование и выяснили, что на запрос «этрски + зодчие» Google. ru даёт 43. 800 ссылок, на запрос «этрски + проповедители» — 27. 100 ссылок, «этрски + врачи» — 9. 300 ссылок, тогда как запрос «этрски + пираты» дал 74. 000 ссылок, «этрски + жертвоприношения» — 98. 900 ссылок, а запрос «этрски + жестокость» — 131. 000 ссылок.

Мы понимаем, что данные подобного поверхностного изыскания не точны по целому ряду причин и, в первую очередь, в силу специфики представления информации по запросу в Интернете в целом и компанией Google в частности. Однако, на наш взгляд, оно позволяет получить обобщенное представление о соотношении количества современных оцифрованных текстов, фиксирующих те или иные сочетания слов и в данном случае — во второй группе словосочетаний — вербализованных стереотипов.

Как видим, пейоративные стереотипы, зафиксированные во вторичных текстах (в частности, в книге древнегреческого историка Дионисия Галикарнасского «Ранняя история Рима») оказались более живучими: они пережили почти два тысячелетия и, несмотря на значительное количество прекрасно сохранившихся артефактов, характеризующих этрусков как великих зодчих, архитекторов, художников, ювелиров (мастерство которых ставит в тупик современных художников) и, в общем и целом, более демократичную (по крайней мере, в отношении женщин) и высокоразвитую нацию (в плане религии, космогонии, траволечения, стоматологии), чем многие современные им племена и народы, превалируют и сегодня в сознании наших образованных современников.

Таким образом, стереотипы как результаты масштабных когнитивных процессов стереотипизации и коннотирования, зафиксированные в надежных / уважаемых и/или редких и поэтому чрезвычайно значимых письменных источниках, становятся «визитными карточками» исчезнувших этносов, особенно, как в случае с этрусками, — этносов, от которых, несмотря на все достижения их высокоразвитой материальной культуры, не осталось никаких более-менее развернутых текстов (ту же ситуацию мы наблюдаем в случае с ольмеками, тольтеками и др. доколумбовыми цивилизациями).

То есть этнокультурные стереотипы (причем чаще пейоративные) остаются «сухим остатком» национальных культур исчезнувших цивилизаций, которые, в силу своего физического отсутствия в этом мире, уже не в состоянии исправить (что весьма проблематично и для поныне живущих народов) «сложившееся» о них мнение и отношение к ним других этносов, которые охотно принимают и передают пейоративные этнокультурные стереотипы подрастающим поколениям, поскольку на фоне «жесточких варваров» прошлых веков современные европейцы и американцы, создающие разнообразное оружие массового поражения, чувствуют себя гораздо более гуманными.

⁴⁷ Adv. Nat. , 7. 26 (цит. по Jannot, Jean-Ren (2005). Religion in Ancient Etruria. Univ. of Wisconsin Press. 229 p.)

БУРУКИНА Ольга Алексеевна / Olga BURUKINA

Этнокультурные стереотипы — в «сухом остатке» национальных культур

Подводя итог нашим рассуждениям и обобщая приведенные выше аргументы, мы предлагаем читателям следующие выводы:

- этнокультурные стереотипы — локальные универсалии культуры, присущие всем этносам как результаты специфической когнитивной деятельности — механизма стереотипизации;
- механизм стереотипизации находится под непосредственным влиянием явления этноцентричности, поскольку «чужие» этносы рассматриваются исключительно через призму собственной культуры, и отношение к ним вербализуется средствами собственного языка, при этом происходит «коннотативно обусловленное сопоставление», которое в силу социопсихологических особенностей людей, принадлежащих к сложившимся этносам, «решается» в пользу собственной культуры и собственного народа;
- механизм стереотипизации коннотативно обусловлен и неразрывно связан с постоянно действующим механизмом коннотирования;
- этнокультурные стереотипы, подобно культурным концептам, имеют в своем составе коннотативный компонент;
- коннотация как гносеологическая и культурная универсалия определяет универсальный характер механизма коннотирования, обуславливающего в свою очередь эмоциональную окрашенность этнокультурных стереотипов;
- этнокультурные стереотипы представляют собой в первую очередь ментальные конструкты и выполняют широкий спектр когнитивно и социально значимых функций как для индивидов, так и для этносоциальных групп, поэтому их исследование не обязательно должно проходить под эгидой оценки их применения;
- этнокультурные гетеростереотипы, репрезентирующие исчезнувшие этносы и культуры, представляют собой сгусток информации, тексты высокой концентрации, то есть сухой остаток многоуровневых и во многих случаях продолжительных взаимоотношений разных этносов и культур. Их значимость ещё предстоит оценить по достоинству.

